

Картина «Восемнадцать», принесшая Юй Цюся признание и лавину наград, мгновенно прославила его имя. Пресса наперебой называла этот фильм реинкарнацией «Шоу ужасов Рокки Хоррора» и вершиной современного культового кинематографа, сводящей с ума миллионы синефилов по всему миру.

Однако мало кто из фанатов видел дебютную ленту режиссера. Она была еще моложе, злее, панк-роковее и куда эксцентричнее «Восемнадцати». Эта работа столь беспардонно попирала общественные приличия, что долгое время кочевала исключительно по пиратским файлообменникам.

Фан Сынун, разумеется, оказался в числе ее первых зрителей.

Во время первого просмотра он не проронил ни слова. И лишь когда на экране поползли титры, заметил, что дрожит всем телом, а спина взмокла от холодного пота. Даже ленты Фассбиндера и Трюффо не вызывали в нем такого отчаяния. И дело было вовсе не в том, что Юй Цюся превзошел великих мастеров. Просто этот человек, живой и теплый, ждал его дома, а Сынун и понятия не имел, какая бездна боли сокрыта в его душе — настоящая выжженная пустыня.

Едва погас экран, перед глазами Сынуна возник образ полугодовой давности: Юй Цюся, застывший под снегопадом в свете уличного фонаря, точно ледяное изваяние. Только теперь Сынун осознал с кристальной ясностью: этот человек действительно жаждет смерти.

Творчество не умеет лгать. Юй Цюся стоял у самого края бездны.

С тех пор Фан Сынуна сковал постоянный страх. Сам по себе уход в небытие его не пугал — в восемнадцать лет он и сам едва не шагнул за черту. Он просто не мог допустить гибели Юй Цюся. Тот казался ему идеальным, истинным баловнем судьбы: прекрасный, богатый, гениальный, с рождения наделенный тем, о чем другие не смеют и мечтать. И если даже такой человек стремится к самоуничтожению, то как вообще устроен этот мир? Ради чего в нем жить?

Борхес писал, что любить человека — значит сотворить из него религию. Юй Цюся стал для него божеством. Случись непоправимое, рухнет и весь внутренний мир Сынуна. Шаг режиссера в пропасть означал, что вслед за ним полетит и он сам.

Жизнь тянулась дальше, хрупкая и ненадежная. Постепенно Сынун начал понимать: странные откровения возлюбленного вовсе не были пустой болтовней. К примеру, абсурдное домашнее правило засыпать исключительно на спине, сложив ладони на животе — как бы дико это ни звучало, все оказалось чистой правдой.

Эти догмы, точно стальные плети, опутывали и истязали юного Цюся. Даже вырвавшись из-под деспотичного гнета семьи, он годами застывал в постели в этой позе безмолвного мученика. Навеки запертый в клетке детских травм, он так и не сумел освободиться.

Сынун оберегал его, ступая словно по тончайшему льду, ловил малейшие перемены в настроении и отчаянно пытался оттащить его от роковой черты.

Но гений режиссуры обладал феноменальным, почти болезненным чутьем. Он мгновенно разгадал этот страх. И его реакцией стало циничное стремление довести ситуацию до предела.

Словно актер, с которого бесцеремонно сорвали маску, он перестал притворяться и обнажил свое подлинное, темное «я».

Где-то на третий год их отношений Цюся повадился шутить о смерти, пока эти разговоры окончательно не вошли у него в привычку.

Глядя на увядшие лотосы в пруду, он мог меланхолично заметить:

— Пожалуй, стоит протянуть еще годик — хотя бы ради того, чтобы увидеть, как они расцветут снова.

Когда Сынун в сердцах замолкал, Цюся лишь весело хохотал:

— Чем сильнее ты злишься, тем больше меня подмывает покончить с собой.

Посторонний списал бы эти фразы на черный юмор или извращенное кокетство, но Сынуна сковывал леденящий ужас. Он знал: это не шутки.

И, что еще страшнее, Цюся прекрасно понимал, что Сынун все видит насквозь.

Зачем тогда продолжать эту пытку? Неужели ради того, чтобы уязвить побольнее, садистически упиваясь его паникой и беспомощностью?

Сынун презирал себя за слабость. Его топтали, выворачивали наизнанку, а он продолжал слепо, неизлечимо любить своего мучителя.

А затем настал тот самый день.

Посреди рабочего совещания он наткнулся в телефоне на два пропущенных вызова. Сердце оборвалось. Сорвавшись с места, он мчался домой как безумный, чтобы обнаружить в ванной комнате Юй Цюся, лежащего в багровой воде.

В ту секунду внутри него что-то беззвучно закричало, а следом навалилась глухая, неотвратимая, точно сама судьба, пустота.

Какая-то часть его сознания безучастно констатировала: «Вот и все. Это должно было случиться».

Упав на колени перед кафельным бортиком ванны, он не стал лихорадочно осматривать раны, как это было в недавнем наваждении. Он просто обнял остывающее тело и принялся мысленно примерять на себя сотни способов умереть следом.

Вечность спустя до его слуха донесся слабый, едва различимый удар сердца.

Придя в себя на больничной койке, Цюся наотрез отказался признавать попытку суицида. Он уверял, что виной всему затянувшаяся бессонница: мол, перебрал с алкоголем, а когда хмель не помог забыться, по глупости заглотнул горсть снотворного.

Сынун не спорил — соглашался со всяким бредом, преданно ухаживал за ним и молчал, не проронив ни единого лишнего слова.

Скрытое противостояние затянулось на месяц. Первым не выдержал Цюся. Выбросив белый флаг, он взмолился:

— Малыш, прости меня. Я сглупил, больше такого не произойдет. Что мне сделать, чтобы ты сменил гнев на милость?

— У меня только одна просьба, — после долгого молчания глухо отозвался Сынун. — Если решишь покончить со всем этим... предупреди меня заранее.

Цюся долго смотрел на него из-под полуопущенных век, а затем медленно склонился и прижался своим лбом к его лбу.

— Хорошо.

Спустя два года Сынун нашел прощальную записку.

«Я ухожу из этого мира. Ну и дерьмо».

Ему казалось, что он готов. Что сможет принять неизбежное с холодным равнодушием: жить привычной жизнью, сидеть дома, делать вид, будто ничего не произошло, а потом просто дожидаться известия от посторонних и решить, как быть дальше.

Но разум пасовал перед реальностью.

Трое суток он метался по городу как безумный, обрывал телефоны знакомых и умолял о

помощи в соцсетях, надеясь отыскать хоть какую-то зацепку.

Весть пришла откуда не ждали — от старого однокурсника, с которым после выпуска они созванивались от силы пару раз. Голос в трубке заговорщицки шептал:

— Сынун, ты все еще ищешь Юй Цюся? Я сейчас в клубе «Сяньжу», он тут сидит в кабинете с продюсером Ваном.

— С каким еще Ваном?

— С Ван Юэжу.

Ван Юэжу считался самым успешным воротилой коммерческого кино в стране. Он штамповал один низкопробный ширпотреб за другим, но кассовые сборы его проектов заставляли конкурентов кусать локти. Позже Юй Цюся снял под его крылом коммерческий блокбастер, сорвавший колоссальный куш к обоюдному удовольствию сторон.

Спустя несколько месяцев после той роковой записки Фан Сынун представил публике серию фотографий «Гниение», которая мгновенно вознесла его на вершину фэшн-индустрии. Все это время он краем уха следил за новостями: таблоиды, папарацци и фанатские паблики наперебой подтверждали, что беглый режиссер жив, здоров и прекрасно себя чувствует.

Они не искали встреч, не созванивались и не обменивались сообщениями.

И лишь когда отгремела премьера совместного детища Цюся и Вана, Сынун внезапно узнал: контракт на съемки «Гниения», ставший его билетом в высшую лигу, организовал именно этот продюсер.

Разрозненные фрагменты мозаики сошлись в пугающе логичную картину. И тогда Сынун решился на визит.

С момента их разрыва прошел почти год. Год каторжной работы на износ, за который Сынун похудел на пятнадцать килограммов. Последние съемки проходили под палящим солнцем Индии, превратившим его в высохшую, почерневшую от загара тень с облезавшей кожей на скулах. Цюся же ничуть не изменился. Он выглядел точно так же, как в день их первой встречи — с неземной, нечеловеческой красотой, без единого намека на пережитую драму.

На прямой вопрос о протекции при работе над «Гниением» Цюся ответил без тени смущения. Прямо при массовой и съемочной группе он небрежно бросил:

— Считаю это моими отступными.

Слово «расставание» впервые прозвучало вслух, пускай приговор их союзу был вынесен еще год назад.

В тот день Сынун бежал без оглядки.

До того как они оказались заперты в безумном Театральном мире, его терзали сотни неразрешимых загадок. Странная подачка, прощальная записка... Но больше всего — именно эта записка. Сынун отказывался верить, что Цюся написал ее лишь ради издевки. В крови Цюся, несмотря ни на что, текла порода — то самое аристократическое благородство, которое веками пестовала его чудовищная семья. Он безжалостно истязал себя, но никогда не причинял вреда другим. За эти годы вокруг него роились сонмы обожателей, готовых ради одного его взгляда на все, однако Цюся всегда расставался легко, честно и мягко, стараясь не задевать чужую гордость.

Именно поэтому, вопреки логике и здравому смыслу, Сынун упрямо верил: даже перестав любить, Цюся не мог обойтись с ним настолько жестоко.

Он полагал, что эти тайны похоронены навеки. Но судьба распорядилась иначе, швырнув их в горнило Театрального мира.

В запасе оставались считанные доли секунды. Сынун выдохнул:

— Я планировал покончить с собой. И подготовился к этому со всей серьезностью.

И в ту же секунду понял, что сам не ведает, чего хочет больше — уцелеть или наконец погибнуть.

Долгие годы Цюся изводил его этим призраком смерти. И теперь, на пороге небытия, Сынун решил нанести свой единственный ответный удар.

Краем глаза он следил за притаившейся неподалеку Дин Тинжун. Но девушка замерла, понуро опустив голову. Никаких движений.

«Проиграл. Все кончено. Я умираю».

Смирившись с неизбежным, он медленно повернулся к Цюся.

Сынун ожидал увидеть на его лице панику, растерянность или скорбь — в конце концов, даже по преданному псу, прожившему с тобой десять лет, принято горевать. Но глубоко в душе тлела иная, эгоистичная надежда: разглядеть хоть тень раскаяния. Хотелось узнать, шевельнется ли в этой холодной душе вина за то, что он довел любящего человека до мыслей о петле.

Их связь давно перестала быть чистой. Из безумной страсти проросла жгучая обида; за десять лет Сынун научился обожать и ненавидеть своего мучителя одновременно. Раньше казалось, что нежность преобладает, но сейчас, у самой черты, ненависть наконец обнажила свои клыки.

Пусть Цюся не раскаивается сейчас. Пусть. Сынуну хотелось вбить в его память этот ржавый гвоздь, оставить незаживающую занозу, которая будет ныть при каждой смене погоды, напоминая о нем до конца дней.

И тут он понял. Юй Цюся не поднял руку.

Вся его жизнь показалась ему затянувшимся кошмаром.

Неужели в изрезанном, кровоточащем сердце еще оставалось место для новой, куда более невыносимой боли?

<http://bllate.org/book/20607/2245359>